

янислав вольфсон

ялтинская фильма

ЯНИСЛАВ ВОЛЬФСОН

ЯЛТИНСКАЯ ФИЛЬМА

поэтическая серия клуба «проект о.г.и.»

О·Г·И

москва 2002

ББК 84-5

В

ЯЛТИНСКАЯ ФИЛЬМА

Вольфсон Я.

В Ялтинская фильма. — М.: ОГИ, 2002. — 144 с.

ISBN 5-94282-

© Я. Вольфсон, 2002

© Клуб «Проект О·Г·И·», серия, 2000

© ОГИ, текст, оформление, 2002

*

*

...путь по шоссе приятен и прост.
В восемь утра отходит мальпост.
Мало минусов. Много рытвин.
Всегда омнибусы. Зимой закрытые.
И отправляются часом позже.
Лицом к лошадям на рубль дороже.
Лошади ухоженные и в теле.
Спиной к лошадям на рубль дешевле.

*

Это город начала века.
Слева горы, а справа ветки.
Мало улиц и много лестниц.
В небе не месяц, а полумесяц
и звезда с ним рядом, словно на флаге.
Шорох прибоя, как чистой бумаги.
Трётся вода о холодные сваи,
стада ставриды и чаек стаи.

*

Две типографии. Две газеты.
Триста дач. В большинстве — клозеты.
Новый город. Слободка. Порт.
В Заречье — единственный водопровод.
Новый базар и старый базар.
Старый дорожке, надо сказать.

*

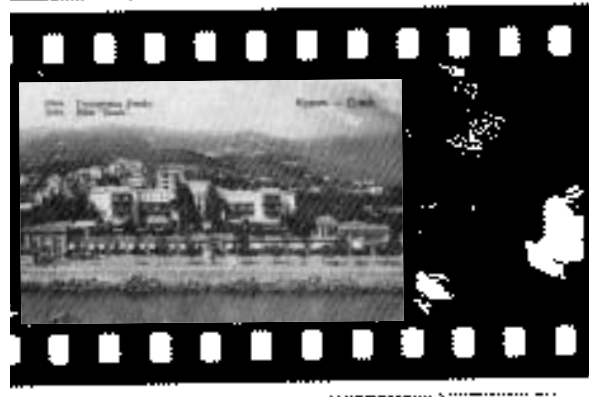
Дача Карининой. Пыль исключается.
 Заразные больные не принимаются.
 Горный воздух. Вид на Ай-Петри.
 Парк Эрлангера в двадцати метрах.
 Ванная. Комнаты. Телефон.
 От пятидесяти рублей пансион.
 Гимназисты и дети платят сорок.
 Горный проспект. Главная контора.

*

Сезон август–сентябрь–октябрь.
 Жарко. В Ливадии — государь.
 Густеющим сумеркам вопреки
 мерцают газовые рожки.
 Виноградом пахнет ночной эфир.
 Каждый с шести часов — жуир.
 Толпа роскошней чем в Ницце даже.
 Прохладна галья сентябрьских пляжей...
 Ночью купанье, порой неглиже.
 Что было ранее — забыто уже.
 Едва знакомы, ей двадцать три.
 День — бастардо. Ночь — пино-гри.
 Нежная кожа, в осанке надменность.
 День — мадера. Ночь — педро-хименес.
 Упругие скулы, упрямая грудь.
 День — что угодно. Ночь — что-нибудь.
 Вырез на платье, подол до пят.
 Выше, туда, где растёт мускат,
 не усидеть в раскалённых креслах,
 да, опора дьявола в чреслах,
 нет, напряжения не одолеть,
 лечь скорее, чтобы взлететь,
 в пропасть рухнуть, когда дошёл,
 бояться коснуться, но трогать шёлк,
 ночь секундна, вот в чём обида,
 всё с утра восстаёт как идол,
 боль упрятана под подол,
 кровать разбита, остался пол,
 пол остался двоим и свет...
 День пройдёт как плохой совет,
 щёки пылают, глаза чисты.
 Нет стыда. Есть она и ты.

*

Шикарная гостиница «Россия»
Сто номеров, половина пустая.
Цена номеров от рубля и выше.
Читальня. Бильярдная. Люстры. Ниши.

*

Старый город. Всё там-то и там-то.
Стоянка извозчиков у почтамта.
Можно куда угодно добраться.
Цены высокия. Надо торговаться.

*

Линейка ходит из Ялты в Гурзуф.
Лошади сами сгоняют мух.
Ландо и линейки — из Ялты в Алупку.
Съездить приятно. Не съездить глупо.

*

Во вторник в Массандру. В четверг — в лесничество.
Экипажи — поставщик Е. И. Величества
дерекойский житель Аскар Умеров.
Мужския сёдла для гг. офицеров.
На рубль дороже под дамским седлом.

*

Поедем шагом, вдвоём, верхом...
Кони Умерова ходят скоро,
слева море, а справа горы,
проедем утром места мистерий,
где всё как в начале античной эры,
Мусий-хор или Хоре-ис,
там, где узок горный карниз,
Олеиз, Кореиз, Мисхор...
Музам, покинув трагедию, хор
нараспев читает науку любви...

*

Близ мола — бульварная аптека Леви.
За речкой Гувой, подать рукой,
есть селение Дереккой.
До него ходу одна верста.
Это татарские всё места.
Дере — ущелье, деревня — кой.
Ночью уходят туда на покой,
чтобы потом, тёмно-синим утром
бежать на базар, продавать там утварь
медную, бронзовую, таз, кувшин,
всякие мелочи для души.
Там живёт их глава, хатип.
Загадочный тип.

*

...тронут охрой и красным октябрь
 всё нерушимо. Батюшка-царь
 рядом. И с неба чайки гадят
 на пену дворца в пучине Ливадии.
 Их вопли как будто младенческий крик.
 Императрицынверху Эриклик...
 Внутренний дворик прохладный мраморный,
 тёмные пальмы картинно замерли,
 пена черной чугунной решётки,
 шестнадцатый век, ренессансная чёткость,
 Верона, сердце сладкой Италии...
 подарок Юсупова... Немного подалее
 в правом крыле — покои наследника...
 Вино из Массандры, продукты с ледника.
 Вечерами по парку гуляют пары,
 облака на закате — словно пожара
 мирового пары развести пора...
 Но всё осознать мешает жара,
 нагретая пыль кедровых веток...
 Жалко картонных марионеток.

*

Что жалеть! Тут такое будет,
 когда появятся новые судьи,
 когда везения станет всё менее,
 великий князь покинет имение,
 сказочный замок, дворец Дюльбер...
 Скоро тут будет эс-эс-эс-эр.
 Последний Романов броситься вплавь
 по матери эту землю коря,
 а над побережьем подсветит заря
 море, плывущие в нём тела,
 берег, который сгорает дотла...

*

Женщина-доктор Гурьян.
Лучших нигде не бывает ванн.
Опытные бадмейстеры и бадмейстерины.
Раздевайтесь. Подставляйте дряблые спины.
Цены те же что и у Рофе.
Посетители даже из высших сфер.

*

Пройдёт ноябрь и придёт декабрь.
Штормом проломан мол вдали.
Верно, здешний возник календарь
до разделенья воды и земли.
Татары в мечетях мечутся что-то...
В ресторане на сваях зияют пустоты
выбитых стёкол. Чадят суда,
надолго замкнутые сюда.
Пальмы укрыты мешками до плеч.
Ветер любого заставит слечь,
бессилен будет и доктор Штангеев.
Заперты двери в домах и дачах.
За окнами — сонные лица лакеев.
Юдоль урагана. Вместилище плача.

*

В январе иногда бывает затишье.
Шторма не слышно. А солнце слышно.
Жара, хоть снимай с себя шинель.
Воздух сильнее чем пятый шанель.
Кажется, что исчезает простуда.
Дышать — обязанность, а не причуда.
Неподвижное море повреждает рассудок
как безвозмездная ссуда.

*

Часовой мастер Э. Коварский.
Поломка любви. Починка коварства.
С двухлетней гарантией за верность и ход.
цены умеренные берёт.
Заводка часов в пансионах и дачах.
В башне на Садовой — тем паче.

*

И в это мгновение, как ни жаль,
зацветает везде миндаль,
несмотря на февраль,
он цветёт, непослушен,
бесшумных петард, потаённых пушек
видны разрывы и спят войска...
Беззаконные облака
оседают кругом и горька их участь...
скоро, корчась, прячась и мучась
впадут во внезапные холода
и облетят — уже навсегда.
Он это предчувствует, но цветёт,
невменяем как сочинитель нот.

*

Бюро похоронных процессий Косарева.
Что-то кесарево сверху косится.
Усопшие — от нищего до Е. И. Величества.
Гробы деревянные и металлические.
Доставка — в любой конец государства.
Часто — бесплатно, по-христиански.
Имеет много хороших отзывов.
Орнамент с лилиями или с розами.
Существует уже восемнадцать лет.
При конторе — продажа венков и лент.

*

Сезон чахоточных померанцев.
Встречаешь изредка оборванцев:
учитель — надеялся жить уроками,
но бедность является роком, а
не временем года, как и нужда —
они не кончаются никогда.
Чахотка всё пуще, а денег всё меньше,
кашель глубже, заложены вещи,
нет чернил и скончался друг,
обещавший вывезти в Петербург.
От пути иного бросает в жар...
Неиссякаем источник кар.

*

Фотография Семёнова. Как убога она!
Фотографируйтесь только у Когана!

*

Кашлевой клочковатый март.
 Нет рубля, чтобы спрятаться в парк.
 Негде укрыться, навесов нет.
 О чём думает городской комитет?!
 Бездействует земство, спит управа.
 Недаром ходит дурная слава.
 Спрятались д-ра Дмитриев и Штангеев
 и Яновский, спаситель прелюбодеев.
 Нет, не дожидаться пушка на вербе.
 Пора в Германию, петь «их штербе».
 Набережная насквозь пуста.
 Всё продуту, что было согрето.
 Ветер с гор, ледяной, свирепый,
 тяжелобольные освобождают места
 в частных дачах и пансионах...
 Путешествуют уединённо
 морем в Одессу, потом в Петербург...
 Шторм идёт на последний штурм.

*

Говядина 14 коп. за фунт.

*

Женские шляпы — магазин Е. И. Гунт.

*

Март уйдёт и придёт апрель.
Молоко подадут больным в постель.
Пусть встаёт, кто выжил, вдыхает прохладу,
крики татар на базаре с надсадой,
пусть слоняется у причала,
хоть нет пароходов и солнца мало,
пусть пьёт молоко и бредёт далеко —
медленно, долго и нелегко...

*

Доктор видит город насквозь,
как в сердце червя или в горле кость,
в распятом гвоздь, в винограде гроздь,
в осени ось.

Видит тощие кошельки,
обстановку в номере средней руки,
умывальник каменный, синий кувшин,
верёвку... Чтобы платье сушить.

Видит голый в саду платан.
Просветы в ветках, углы к углам,
соль в прибое и сильный йод.
Где всходит солнце. И где падёт.

Доктор видит больного насквозь —
Местный или приезжий гость,
видит до омерзения чётко,
где чахотка, а где сухотка.

Доктор входит, как в масло — нож,
в дачу, в которой ты живёшь,
подымается в ветхую эту мансарду,
из которой видно парки Массандры,

щупает слабый и скорый пульс,
говорит, не теряя времени: — Пусть
на ночь сегодня вам дадут кодеин...
И снова лежишь, задыхаясь, один.

*

Остерегайтесь комиссионеров!
Цены не принимайте на веру!
Старайтесь всегда торговаться сами!

*

На набережной — магазин Синани.

*

Май прохладен и новозаветен.
 Выполнен весь в фиолетовом цвете.
 Иудино дерево яд расточает.
 Павлония в такт фонарями качает.
 Захлёстнуты стены пучиной глициний:
 белой и синей.
 Сикомора руки воздела горе.
 Под ней в кислороде горит сирень.
 И от этого грозного переизбытка
 даже нужное слово быть может забыто.
 И пленителен необратимый июнь,
 его сумерки из фиолетовых струн.
 На побережьи, похожем на контур альта...
 Но натянуты робко и нота не та,
 и густеет таинственная эта сила,
 связанная с поглощением светила.
 А потом разгориться июль как порох,
 от Меганомы до Ай — Тодора,
 пожар от Кастрополя до Гурзуфа,
 вплоть до потери зренья и слуха.
 Накалены и вода и горы,
 нежные губы и кожные поры,
 ничто не движется, замерли даже
 ландо, шарабаны и экипажи,
 неподвижны у Горного клуба «корзинки»,
 словно на моментальном снимке...
 Вымер город и вымер порт,
 Истекает пот из нагретых пор,
 дымится жёлтый июль раскалённый,
 плотное море у грифельных склонов,
 полдень похож на солнечный фаллос,
 тлеет всё, что ещё осталось,
 псы распластались в тени на пузе,
 залив подобен большой медузе,
 сейчас испарится и мы вполне
 сможем узнать, что же там, на дне...

*

Зачем нам пустые ножны сюжета,
 примем лёгкую лепту лета.
 Зачем нам ложный позыв событий,
 где живой человек, словно текста житель
 Плохо заучивался урок,
 что любое может сломаться перо,
 если слишком сильно давить.
 Искусство и жизнь — Голиаф и Давид.
 Мы потом застесняемся этой минуты,
 но скажем: это как почва и путник,
 или, может быть, даже, планета и спутник,
 и дело у них продвигается худо:
 и вместе друг с другом — и против друг друга.
 А кто их пытался разнять — тот ранен
 и с трудом уже отличает орнамент
 от пейзажа, а светотень — от портрета.
 И чувствует это.

**

**

Молодого человека зовут Александром.
 В имени виден лист олеандра
 у которого столь ядовитый сок,
 что случайно вкусивший его — умрёт.
 В имени видно копьё и щит.
 Глаза, зелёные как самшит.
 Взгляд поэтому воды тяжелей.
 Особенно в полумгле.

**

Вам надо знать его карьеру —
Извольте: он не стал инженером,
не закончил последнего курса в Горном,
хотя делал вид, что учился упорно.
Из дворян, похоже, конечно, из нищих.
В год получает примерно тысячу,
и ту — от любимого отца, вдовца,
петербургского стряпчего, подлеца.

**

Чухотка взялась от упадка сил.
Много читал и много курил.
Переводил из французского пьесу.
Отец приискал приличное место,
но там его приняли за повесу
и выгнали с треском.
Не будем об этом. Спасибо отцу,
что не проклял, как угадывалось по лицу,
наоборот, ссудил немного
на стол, виноград и дорогу.
— Остальное, — думает Александр —
заработаю как-нибудь сам.

**

Барышня крещена как Елена.
Пропадает зевота, испаряется лень
фланирующих в Мордвиновском парке
мужчин, включая генералов в отставке.
Гимназисты, торговцы в магазинчике модном
знают, что белое облако пены
откликается на «мадмуазель Елена»
лишь затем, чтоб напомнить о грехе первородном.

**

Её родословная мне неизвестна.
Но надо ли это... Она прелестна.
Она прелестна как звук челюсти,
не побоюсь открытого текста,
в городском саду, в купальне, в читальне,
на ближней тропке, на тропке дальней...
Её взгляд из влаги и воздуха соткан...
Неужели и у неё чашотка...
Да, представьте, она сгорает,
это румянец вполне подтверждает,
езде её шаг — невесом, как танец...
Темней заката её румянец...
На что проживает, никто знает.
Она прекрасна как дочь Синяя.
Можно всё отдать вообще
за такую дочь.

Живёт с весны в небольшом пансионе
г-на Жандра, в Аутке, на склоне.

Пропустим знакомство. Оно могло
состояться утром, когда светло,
или вечером, что скорей,
в свете газовых фонарей.
Могло его и не быть. Просто тело
одно к другому всю жизнь летело
и вдруг обнаружило этот миг.
...земная кора совершила сдвиг.

**

— Я ехал сюда, пыль неслась в глаза,
проезжал Ангар, Таушан-Базар,
пил на станциях водку, вино и чай,
спал, не спал, головой качал,
ехал долго и клял судьбу,
назад, полагал, поеду в гробу,
под матросский крик или женский вопль
поплыву в Севастополь.
Я не знал, что нельзя ничего желать,
с судьбой заигрывать или играть,
ничего нельзя, только жить и ждать...
Елена, Вы не слушаете опять...

**

— А я катила сюда сквозь Байдары.
Назревало солнце как божья кара,
я тоже думала, что живой
навряд ли вернусь домой.
Я не хотела встречать Вас, нет...
Я хотела встретить тебя — и всё.
Наклонись-ка ближе. Закрой мне свет.
У тебя растерянное лицо.

**

Тихо. Остро пахнет чабрец.
 Пахнет мятой, помётом овец.
 Дует невиданной силы ветер...
 — Что ты смотришь, как новый Вертер
 Тебе запретил ещё в Петербурге
 расстраиваться Кизеветтер.

Прогулка на Ай-Петринскую яйлу.
 Ветер голову оторвёт ослу,
 татарину, подпоясанному мешком,
 и нам с тобой на дороге Шишко.

Тысяча и один поворот.
 Внизу, еле виден, белеет порт,
 вверх небесам не лень сиять.
 Елена, ты не слышишь меня опять

Сухая трава шелестит на яйле.
 Мы так недолго на этой земле,
 сгорающей вечером до золы.
 Внизу еле виден чёрный залив,
 словно земле нанесённая рана,
 и колокольня Св. Иоанна.

— Пошли, нам надо бояться росы.
 Устал татарин, замёрзли ослы,
 лают в кошарах малые псы,
 отступает теплынь, пол дня скосив.

Вниз спускаемся, клонит в сон,
 плохо дышится, сменим тон,
 я всё расскажу тебе, но потом...

**

... крестят друг друга мелким крестом...

**

— Я расскажу тебе, милый друг,
 старую сказку про птицу Рух.
 Крыльев её исполинский размах
 затмевает солнце, вселяет страх.
 Из живущих ныне уже никто
 не знает, где же её гнездо.
 Она летит. Человек живой
 попадаетея ей. Едва живой,
 он парит над землёй, из всего изъят,
 под ним города и пустыни пылят,
 а что-то уносит его в когтях,
 как коршун — лучшего из цыплят.
 Теперь он не сможет вернуться назад
 никогда. Эту историю Шахразад
 любила рассказывать, когда султан
 к ней приходил, покинув диван.
 Представь. Тебя трогает этот сюжет...
 Был человек — и вдруг его нет.
 Растворился в небе, исчез из глаз...
 Шаху очень нравился сей рассказ.
 А остров, куда человек этот рух —
 нул из когтей разрушительной Рух,
 теперь мы топчем, а он ведь был
 когда-то безмолвен, безлюден, бел,
 в вулканах магма, в ущельях пыль,
 в ручьях форель, на обрывах мел...
 Он встал, раздвинув глубины вод,
 океанскую соль и йод.
 — А вдруг он захочет вернуться вспять...
 — Как знать

**

Налажено движение трам-линеек.
 Билет стоит пятьдесят копеек.

**

Можно съездить в Никитский Сад.
Спина возницы, широкий зад.
Любовники друг другу не надоедают,
потому что всегда о себе говорят.
— Ты мой мальчик, мой талисман, —
тихо слушает Александр, —
я боюсь тебя обронить,
слишком тонкая эта нить,
да и на мне уже столько ран...
Тихо слушает Александр.

**

— Завтра мы с тобой после обеда
едем в Абсолютный Заповедник,
я сейчас взял пропуск у соседа-
графа, он мордвиновский наследник.
Едем в три и возвратимся в восемь...
Наследим с тобою в рощах сосен,
в мире мирта, зарослях реликта,
в каменном кустарнике самшита...
Время потерялось и забыто.
Будущее — прошлого ошибка.

Часовой мастер Э. Коварский...

Кончились деньги, испиты лекарства,
мутит, но нет потери сознания,
что раньше была при слове «прощание».
Оттягивал всё и тянул как мог.
Стояли часы, но пробили срок.
Он является утром, холоден, сух,
пароход пополудни, около двух,
говорит, почти не разъемля губ,
временами просто жесток и груб,
ему бы покаяться на духу,
а он несёт чепуху.

**

Смолчали о знакомстве, смолчим о прощании.
Он уложился. Она в отчаянии.
Слёзы наружу. Дважды рвёт.
Порт весь в лужах. Ревёт пароход.

**

Часы починились, но стрелочки выпали все.
Часовщику и не снилось, что время может висеть,
человек неподвижный — бежать, вон мелькают колена...
рядом — стоять, не скрываясь, нагая Елена...
Её царапает взгляд этот, как самшит.
Его ничего не трогает, всё лишь слегка смешит.
Он что-то сегодня выпил — мускат ? портвейн?..
Вот и закончился спор артерий, нервов и вен,
вот и закончилось время радостей и потерь,
то, что было, было, было, было, поверь...

**

Ей, как ни странно, стало назавтра легче.
 Стало казаться, что не было этой встречи.
 Стало казаться, что можно ещё остаться.
 Может быть, даже в Гаспру поехать кататься,
 ну, не так далеко, а верхами, пусть в Ореанду.
 С тем офицером, что утром сидел на веранде.
 А послезавтра опять всё внутри засаднило,
 словно хотела всё кончить и ела мыло,
 и всё внутри намылила и не смыла,
 и всё замлело и так навсегда застыло.
 Она пожила ещё месяц и тронулась дальше.
 За границу. Курорты всё реже, лечебницы — чаще.
 В тот день, когда возвратилась она в Россию,
 было первое августа и газетчики голосили.

**

Однажды ему приснились часы как клещи.
 Они смыкались над головою зловеще.

Наутро встретился граф Мордвинов — наследник
 и сразу пошел про Елену мести, как веник.
 Дескать, она исчезла, её видали
 то в Монте-Кассино, то в Лугано на карнавале,
 а в Баден-Вейлере она, говорят, скончалась,
 а такая была красotka... Какая жалость...
 Ты же сох по ней, у вас был же, мон шер, роман...
 Ну ладно, не будем тревожить присохших ран...

Отклонялся ловко и дальше пошел, балбес.
 Кусок сердца сорвался и в горло куда-то полез.
 В ребре селившийся, плакал и корчился бес.
 И тело теряло вес.

**

Она поехала как-то к новой модистке
и там столкнулась с дочерью г-на Жандра,
у которого снимала дачу под кипарисами.
Та ей : — Вы слышали про Александра?
Он обокрал отца, от полиции в Омск дал тягу,
там пропил казённые деньги, векселя и бумаги,
женился на дочери какого-то генерала тяги,
играл, проигрался и застрелился в овраге.
Моя кузина, оказалось, у его бабки
всегда подбирала себе отличные шляпки,
так она говорит, что вдова, не снимая покрыва
вышла замуж за голову городского.
Так им и надо, бросающим нас, Елена!
Что вы смотрите на меня как на стену?
Бросьте, пустое! Послушайте, милая, я вам
расскажу про мужа. Он ездил на остров Ява...

**

...У отца, конечно, всегда скандалы.
То много дали, то дали мало,
проценты, ссуды, акции, рост.

Он уезжает в Омск.
Там работает тихо в конторе.
Чахотка проходит, там воздух здоровей.
Любит гулять на старом подворье
или на кладбище меж надгробий,
вчитываясь в книгу на камне.
Надо ли прикасаться к тайне,
расшатывать лестницу, рвать завесу нам...

**

Женился на дочке провизора местного.
Пару раз родила, потом померла.
Его терзали по службе дела.
Дети, взятые бабкой, росли без отца.
Золотуха, колиты, катар без конца...
Что читал, позабыл, что учил, разучил.
Мало чем отвлекался, но часто бродил
меж могил.

**

Вечерами почитывал Новый Завет.
От начала войны он боялся газет.

И однажды подумал, склоняясь ко сну:
— Мы с прекрасной Еленой были две капли
и могли бы наверное слиться в одну...
Но подумал ещё и добавил: — Вряд ли.

Засыпая, он думал с жуткой тоской:
— Я был пресной водой, а она морской...

Это были не клещи, а хуже: тиски.
Зажимались в них вещие пальцы тоски
Новой жизни подростки и просто ростки
Рукоятку крутили, зажимали виски.
Начался знаменитый российский пожар.
Всё, что носит земля, постепенно пожрал.
Кто упал на колени, кто просто сбежал,
кто сражался, хоть сроду клинка не держал...

Он вернулся сначала к отцу в Петроград.
Тот был рад, хоть от голода очень ослаб,
а потом был расстрелян, когда из гостей
ночью нёс саквояжик куриных костей,
чтобы сделать рагу, и попался впросак:
подозрительно выглядел сак.

Книги сжёг. Видел мор, видел глад, видел ад,
Петроград, где шатался матрос и солдат,
тёмный город, чей череп проломан
был осенним мандатом, как ломом.

До свидания, град, до свидания, бург.
Он опять покатился на юг.
Где-то в Киеве дядька, у него есть жена,
у жены огород, где растёт бузина.
Чтоб не сдохнуть от голода, ройся
по отбросам, забыв про геройства.

Но нельзя опускаться, есть слух, что ты зван,
в Добровольческой Армии люди нужны,
кто вчера ещё штатский, завтра штабс-капитан,
получай свою саблю, башлык да штаны...

Но поката Россия, и к югу есть сток,
и туда утекает ревущий поток,
ударяется лбом о гнилой Перекоп.
Рассекается лоб.

Так строят новый мир — на человеческом мясе.
Сползают две слезы по лицевой гримасе.

По ссадинам полей, по маске Гиппократы,
по родине в золе, где брат восста на брата.

Утопию одну без похоти и грязи
взял прагматизм тайком, и походя, и сзади.

Искра попала в глаз, спалила символ веры,
и хлынул едкий газ, и вырвались химеры,

и новые слова, и старые злодеяства:
убий, хватай, стреляй, желай, прелюбодействуй.

Кто вправе всех судить, пусть первым и погибнет.
Вокруг поток кипит, в который камнем кинем.

За то ли пал Марат? Не то ли жаждал Пестель?
Восстал на гада гад. Мир стал отхожим местом.

О, расшатанная гостиница Россия.
В номерах живут врангелевские штабные.
В ресторане расстреляна даже люстра.
В читальне пусто и в ваннах пусто.
Сквозняк последние дни листает,
то белая стая, то красная стая.
Маркизы сорваны пьяным ротным
или кем-то ещё из казачьей сотни.
Врангель в башне с часами живёт, на Садовой.
Но часы не ходят. Последнее слово
остаётся лежать в воспалённом рту.
Красную нынче подводят черту.

Прекратить ли ход родовых потуг,
но выходит урод и выходит труп,
и в смертельной истоме город, и порт
утирает холодный пот.

Всех накормили кровавой кашей.
Шесть подпольщиков повешены ночью на пляже.
Ногами перебирают себе на весу,
убегают к красным. Красные на Учан-Су
прибивают офицерам — и те молчат —
золотые погоны гвоздями к плечам.
В госпитале расстреляны все медсёстры.
Спаситель уже не спасёт полуостров.

Но что происходит с морскою каплей?
Она только вышла замуж, не так ли?
Вот от Шерер и Набгольц фото
накануне октябрьского переворота,
когда опрокинулось всё, что было:
пыл, уверенность, нежность, сила,
желчь преступных и кровь невинных...
Но кто её муж? Молодой Мрдвинов...

Он был странной смесью мухи шпанской
с героем дня. Обожал шампанское,
только французское, настоящее,
всегда возил с собой целый ящик,
каждое утро, пряча ухмылку,
добавлял туда новенькую бутылку.

Состоял из дёгтя медовый месяц.
Его арестовывали раз десять.
Нынче титул достаточно весит,
чтоб его обладателя взять да повесить.
научился уже представляться «из бывших»,
не то, чтобы нищий, но ищет пищи,
ходит быстро, глядит под ноги,
обходит посты, караулы и дроги,
никаких друзей, никаких знакомств.
Наступает пора очистительных гроз.
Ещё немного, и всем каюк.
Надо бежать на юг.

Чудом спаслись из махновского плена,
скакали верхом, стреляли с колена,
продали всё — до венчальной парчи.
Очутились в холодной безлюдной Керчи.
Но потом повезло: на чужом Руссо-Балте
они кое-как оказались в Ялте...

...Александр ночевал на молу и простыл.
Где-то снял свой башлык, где-то саблю забыл,
где-то давит мундир, как на бабу пошит,
в остролист превратился тяжёлый самшит,
лавр ушёл на супы из куриных костей,
из потеряных сил и дурных новостей,
про отчётливый молот, отточенный серп.
То ли будет ещё, господин офицер...

...Зачем ты снотворное ешь по грамму,
тебя ведь никто не неволил замуж,
почему ты и ночью, и днём как рыба,
некому ведь осудить твой выбор,
и тридцать лет жить совсем одной,
беспечной, пусть, но ещё и больной...

Обе слезинки сотри со щёк.
Прими порошок.

Чтоб взяло скорее, запей вином...

Наступают Фрунзе, Блюхер, Махно.
Неделя боёв, и завтра, пожалуй,
они будут в Ялте.

Как будто всё в дурном синема.
Простудилась. Утром ходила сама
вещи менять. На базаре в Массандре
показалось, что видела Александра.
Ночью стала слышна канонада,
как проклятие, как награда.
Так за эти два дня устала,
что даже легче как будто стало.
Не вытерев слёзы на слабых скулах,
она приняла порошок и уснула.

Появился заката кровавый столп
в окне, а оттуда восшёл на стол.

Она сидела, чего-то ждала,
а потом не выдержала и ушла.
Ветер ноябрьский под ноги мёл,
вся гостиница шла на мол,
кто-то «Боже, царя хра ...» пел
в этой шатающейся толпе,
кто-то выл как голодный волк,
орали конные, топал полк,
лежали новенькие снаряды,
кричал человек, умолявший яда,
смещение морд, столкновение орд,
человечий сор, погребальный хор,
просевший в воду, гудит пароход,
резко свистнет сейчас и уйдёт.
Рушатся сходни, хрипит толпа,
нету сил пот стереть со лба,
и накрывается всё, что было,
обломками рухнувшего столпа...

...бежит, спотыкаясь, Мордвинов-фис,
стоит солдат в положении риз,
волна под ноги с размаху бьёт,
кто-то волочит бегом пулемёт,
узлы и стулья тащут с усердием
две пожилые сестры милосердия,
сверху стоит ледяная осень,
бежит проститутка, за ней философ,
лежит человек, принявший яду,
поп о чём-то думает рядом,
мешая снующим по краю суши,
кто-то прячет французские письма Пушкина,
грохот, мат-перемат, признанья,
кричат штабные разного звания,
дамы, дети, генералов остатки,
всё колышется, пахнет гадко,
валит толпа сплошной стеной,
кто-то с лампой, кто-то с женой...

Солнце уходит за спину мыса
с чёрным дымом и резким свистом.
Скулит какой-то младенец как крыса.
Нет отчизны, а есть очистки.

Говоря по правде, спустя восемь лет
 водолаза спустили на дно залива.
 Это велел городской комитет.
 Специальное судно даже приплыло.
 Под водой находилось подводное царство,
 последняя станция долгих странствий.
 Раздвигалась под ним и чернела вода,
 обнажая улики для нарсуда:
 ящик шампанского в автомобиле,
 нежность и веру, которых убили,
 детскую шляпку, овечий помёт,
 сгнивший клинок, боевой пулемёт,
 письма французские, волчий билет,
 новый завет и новейший совет,
 чьё-то пенсне без шнурка и без линз,
 чью-то всю жизнь.

Побродив, помешался слегка водолаз,
 протирая порой свой единственный глаз,
 то рыдает, то слышится бешеный смех,
 и не хочет никак подыматься наверх.

Говорит, что не хочет ни моря, ни суши,
 что зренье рябит и дыхание сушит,
 что отдаст под следствие все причины
 превращения воздуха в глубь пучины.

От напряжения стал седой.
 Холодно под водой.

А когда Шахразаду застигло утро,
и она прекратила дозволенные речи...
В потёмках страсти поищем мудрость,
покуда ветер не задует свечи.

Внизу под водой мы оставим две капли:
добровольца, где-то забывшего саблю,
женщину с тёмным опасным румянцем.
Как говорится, пора расставаться...

Может быть, этот холодный мир
толкает поломанный балансир,
до сих пор не починенный механизм
умножает обманы посредством призм.

Горы ведь были когда-то дном.
А теперь всё решится одним толчком.
Некому будет и слово сказать.
Елена! Ты не слышишь меня опять!

Пора расставаться, чтоб сделать крюк
и протянуться в другой строке
выпавшей ношею птицы Рух
редко летающей налегке

1982 г.
Ялта

ЛЕПРА